

Литература

Лонерган П. Театр и фильмы Мартина МакДонаха – Пер. с англ. Е.Ю. Мамоновой / Под науч. Ред. В.Б. Шаминой. – МБУК «Театр «У Моста». – Пермь: Тип. «Астер», 2014. – 368 с., ил. – (Театр «У Моста» представляет).

Чупринин С.И. Хоррор в литературе. / <http://magazines.russ.ru:81/znamia/red/chupr/book/new/horror.html>

Billington M. The Pillowman. National Theatre, London. / <http://www.theguardian.com/stage/2003/nov/14/theatre>

Hassan I.H. The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. – Columbus: Ohio State UP, 1987. – 267 p.

Gardner L. The Pillowman / <https://www.theguardian.com/stage/2009/feb/18/the-pillowman-review>

McDonagh M. The Pillowman. – Dramatists Play Service, Inc. 2006. – 72 p.

Russell R.R. Martin McDonagh: A Casebook (Casebooks on Modern Dramatists). – Routledge, 2007. – 208 p.

УДК 321,161.1-1(Лапин Б.)
ББК Ш33 (2Рос-Рус)6-3,445

В.С. Наумова

Лирика немецкого экспрессионизма сквозь призму русского авангарда: об одном стихотворении Б. Лапина

Аннотация: Русский поэт-экспрессионист Б. Лапин создал в 1922 году стихотворение «Осень. Человек пересекает пожелтевший воздух», которое явно перекликается со стихотворением Г. Тракля «Мальчику Элису» (1915). В том, как интерпретирует русский поэт немецкое стихотворение заложено понимание и переосмысление экспрессионизма представителями русского авангарда.

Ключевые слова: поэзия немецкого экспрессионизма, Г. Тракль, Б. Лапин, творческая рецепция, русский экспрессионизм.

Стихотворение-мистификация Б. Лапина «Осень. Человек пересекает пожелтевший воздух» якобы написано немецким поэтом-дадаистом Теофилом Мюллером в 1922 году и входит в состав сборника стихов «Виселичная книга». Однако о существовании такого поэта, как Теофиль Мюллер, ничего неизвестно [Терехина 2005: 34].

Заглавие сборника и первая строка стихотворения метафорически указывают на его тему – смерть. Среди немецкоязычных поэтов «певцом медленной гибели, клонящейся к закату жизни, нежного безумия» [Тракль 2000: 10] традиционно считается Г. Тракль. Меланхолическое предчувствие смерти характеризует его лирику. Сопоставим стихотворение Б. Лапина «Осень. Человек пересекает пожелтевший воздух» (1922) и стихотворение Г. Тракля «Мальчику Элису» (1915). Важно отметить, что образ мальчика Элиса является крупнейшим мифом всей лирики австрийского поэта-экспрессиониста Г. Тракля. Элис воплощает молодое бесполое существо, в глазах которого отражается осуществление любовной страсти, грусть, которая возникает из блаженства [Там же].

Теофиль Мюллер

Из книги «Galgenbuch» изд.
«Marstall»
Осень. Человек пересекает
пожелтевший воздух,
На лаковых его ботинках
Качаются сладкие слезы.
А ему навстречу,
Изблескивая душой,
Идет великий мальчик,
Которого зовут Гиацинт.
Его мучит тот же листопад
И, совершенно подобная
первой, -
(Волосы – цвета месяца)
любовь.
Она его покорила,
Изумила, раздавила,
прищелкнула
Голым, тонким ногтем
Своей ревности.
Этому горю сочувствует
И Альфа, одинокий мужчина.
Пер. с немецкого – Б. Лапин
[Цит. по: Терехина 2005: 147]

An den Knaben Elis

Elis, wenn die Amsel im
schwarzen Wald ruft,
Dieses ist dein Untergang.
Deine Lippen trinken die Kühle
des blauen Felsenquells.
Laß, wenn deine Stirne leise
blutet
Uralte Legenden
Und dunkle Deutung des
Vogelflugs.
Du aber gehst mit weichen
Schritten in die Nacht,
Die voll purpurner Trauben
hängt
Und du regst die Arme schöner
im Blau.
Ein Dornbusch tönt,
Wo deine mondenen Augen
sind.
O, wie lange bist, Elis, du
verstorben.
Dein Leib ist eine Hyazinthe,
In die ein Mönch die
wächsernen Finger taucht.
Eine schwarze Höhle ist unser
Schweigen,
Daraus bisweilen ein sanftes

Tier tritt
Und langsam die schweren Lider
senkt.
Auf deine Schläfen tropft
schwarzer Tau,
Das letzte Gold verfallener
Sterne.⁴ [Траклъ 2000: 163]

В стихотворении Г. Тракля главным действующим лицом является отрок Элис, прообразом которого был мифический герой Эндимион, покоривший своей красотой Селену, но ее любви он предпочел вечный сон, который избавил его от старости и смерти. Тело Элиса сравнивается с гиацинтом, а в стихотворении Б. Лапина главное действующее лицо – красивый юноша Гиацинт. Согласно греческой легенде, он – прекрасный сын спартанских царей, которого погубила любовь Аполлона и бога западного ветра Зефира. Гиацинт – цветок дождя, цветок печали, олицетворение вечной скорби, а Эндимион – гений ночи, символ смерти [Савчук 1992: 239]. Вероятно, образ прекрасного мальчика, которого обуревают демонические соблазны и искушения, был близок Б. Лапину и подтолкнул к созданию собственного стихотворения.

У Г. Тракля большое значение имеет цветовая символика. Каждая цветовая метафора несет один или несколько эстетических и символических смыслов [Пестова 2015: 146]. В немецком стихотворении присутствуют четыре цвета (синий, красный, черный и желтый), главным из них является черный, так как он встречается пять раз на протяжении стихотворения. Черный цвет в лирике Г. Тракля означает меланхолию, гибель, но в то же время перерождение, новую жизнь [Leonhardt 2005: 116]. В русском стихотворении превалирует желтый цвет. Он – в листопаде, в осени, в «пожелтевшем воздухе» и в «волосах цвета месяца». Желтый цвет обозначает гибель, так как осень – увядание природы, скорое завершение календарного года, «осень жизни» – старость. Гиацинт испытывает горе, которое вызывает

⁴ Мальчику Элису / Элис, если дрозд кричит в черном лесу, – / Это твоя гибель / Твои губы пьют прохладу голубого горного ключа. / Оставь, если твой лоб тихо кровотоцит / Древние легенды / И темное толкование птичьего полета / Но ты кроткими шагами уходишь в ночь, / Что, полная пурпурных гроздей, нависла, / И машешь руками / прекраснее в голубом. / Там терновник поет, / Где лунные очи твои. / О, как давно ты, Элис, скончался! / Твое тело – это гиацинт, / В который монах погружает восковые пальцы. / Черная пещера – наше молчанье, / Откуда порою выходит кроткий зверь. / И медленно смыкает тяжелые веки. / На виски твои черная каплет роса, / Последнее золото погибших звезд. (Перевод наш – *Н.В.*)

сочувствие, его мучают два «желтых» события: любовь («Волосы – цвета месяца») и листопад. В «желтый цвет окрашено» стихотворение о прекрасном юноше, любви и мужчине Альфа. Стихотворение звучит очень возвышенно и торжественно, о чем говорят такие образы, как «Волосы – цвета месяца», «великий мальчик», «изблескивая душой», поэтому желтый цвет является не только олицетворением горя, но и символом скорбной красоты [Leonhardt 2005: 116]. Немецкое стихотворение отмечено торжественной красотой. Такие фразы, как «Твои губы пьют прохладу голубого горного ключа»; «О, как давно ты, Элис, скончался!»; «Твое тело – это гиацинт, / В который монах погружает восковые пальцы», соответствуют высокому стилю.

Стихотворение «Мальчику Элису» будто бы пронизано темой смерти. Оно очень мистично и соединяет в себе мир реальный и мир потусторонний.

Смерть Элиса начинается в тот момент, когда кричит дрозд, это жуткое приглашение черной птицы, которая зовет его на гибель. Элис пьет из голубого родника, голубая вода словно ведет его обратно в землю. В третьей строфе Элис отправляется в глубокую ночь, он словно возвращается туда, откуда пришел, ведь имя «Элис» созвучно с «Элизиумом» – той частью загробного мира в древнегреческой мифологии, где царит вечная весна и где блаженные души проводят время без печали и забот.

Обращение к Элису как к умершему добавляет ему еще одну характеристику, еще одну сущность – пребывание в этом мире в качестве духа. Элис вступает в ночь, эту божественную сферу, в которой он с легкостью передвигается, так как через метафору луны избавляется от земного притяжения и вступает в космическое пространство, иной мир. Его тело, которое до этого выражалось только через движение отдельных его частей, растворяется в темноте и синеве ночи. Его глаза начинают светиться подобно луне, дабы отразить неземное. Там в потустороннем мире будет доведено до конца то, что здесь осталось незавершенным. Нужно сказать, что мальчик Элис несет в себе смерть подобно фрукту с косточкой внутри, а его неоднозначная красота повторяет осеннюю красоту приближающейся смерти.

Тема смерти в русском стихотворении показана не только с помощью цвета. Основными мотивами являются слезы и грусть: гиацинт в переводе с греческого – цветок дождя или цветок печали [Тресиддер: Словарь значений символов]. До этого: «На лаковых его ботинках / Качаются сладкие слезы», – донором метафорического переноса здесь служит мокрая от недавно прошедшего дождя или

выпавшей утренней росы обув. Авторское слово «изблескивая» очевидно состоит из двух глаголов: блестеть и плескать в сочетании с приставкой «из-», что говорит о присутствии семы «вода». У Лапина, как и у Тракля, лирические мотивы располагаются симметрично вокруг единой оси. Об этом говорит направление движения в стихотворении, где два действующих лица, «человек» и «великий мальчик», идут навстречу друг другу. То, что происходит с мальчиком, уже было раньше, «тот же листопад», «любовь, подобная первой». Однако за мальчиком наблюдает не только «человек», есть еще второй симметричный наблюдатель – Альфа «одинокий мужчина». Движение мальчика Гиацинта происходит в том пространстве, где уже нет «пожелтевшего воздуха». Он подобен проводнику между двумя мирами, он идет навстречу человеку, возможно для того, чтобы провести его в иной мир. «(Волосы – цвета месяца)» – метафора луны говорит о смерти и возрождении. Любовь «совершенно подобная первой», то есть любовь в ином пространстве, иного характера.

В русском стихотворении основными мотивами являются страдание и смерть. Они развиваются так же, как в стихотворении «К мальчику Элису», через античную мифологию, через возникновение образной семантики в меняющихся контекстах. Например, образ плотской красоты, телесного искушения проходит через все немецкое стихотворение. В первой строке появляется «дрозд» – в христианстве он – символ соблазна плоти, затем «ночь», полная «пурпурных ягод винограда» (виноград в мировой культуре – символ похоти и разврата), далее тело сравнивается с прекрасным гиацинтом, в который монах опускает восковые пальцы.

В русском стихотворении мотивы смерти и слез постоянно повторяются вокруг единой оси – движения Гиацинта по парку. Подобно «мальчику Элису», настрой этого стихотворения – умирание, движение к закату. Лапин тематизирует утрату счастья, которое человек знал раньше. Как и в лирике Г. Тракля, в стихотворении Б. Лапина присутствует синестезия, воздух, не имеющий цвета, становится желтым, авторский глагол «изблескивая» действует одновременно на зрение и на осязание. Любовь определяется желтым цветом.

Траклевские «сдержанная меланхолия и нежное безумие, вкусившее от горечи этого мира» [Тракль 2000: 10], охватывают и Гиацинта, мучимого любовью, которая «покорила, раздавила прищелкнула его» [Терехина 2005: 147]. Как и в лирике Г. Тракля, смерть и красота сопутствуют друг другу в русском стихотворении.

Общими темами русского и немецкого стихотворения являются смерть, потусторонний мир, страдание, горечь несчастной любви, гомосексуальность (в Гиацинта был влюблен Аполлон, «Монах опускает восковые пальцы в гиацинт», в русском стихотворении все герои – мужчины) и красота, обреченная на гибель.

Однако мальчик Элис представляет собой символ единства человека с природой, жизни со смертью, существа с Богом. Немецкое стихотворение более разнообразно по своей мотивной структуре, еще и потому, что его образная система может быть условно разделена на античность и христианство.

Античный мир представлен в мифах об Элизиуме, Эндимионе и Гиацинте, в птицегадании, или ауспиции (предсказание будущего по полету птиц), образе гиацинта (цветка страданий и несчастной любви), в физической красоте, гомосексуальной любви, во внимании к телу, в луне и звездах, созерцанию которых, согласно легенде, посвятил себя Эндимион.

Христианский мир выражен в призыве оставить ауспицию (христианство порицало гадание в любом виде), в образе монаха, в аллюзии на муки Христа («твой лоб тихо кровоточит», «на виски твои черная капает роса», «Твое тело – гиацинт»).

Эти образы говорят о глубоком общекультурном контексте всего стихотворения, где переплетаются античность и христианство.

И русское, и немецкое стихотворение содержат скорбь по утраченному земному счастью, горечь познанной и навеки потерянной любви, меланхолию обреченности, мистическую связь между мирами. Однако скорбь или страдание немецкого экспрессионизма значительно более масштабны. Это и страдание от существования в этом полном пороков и несовершенств мире, влекущее за собой смерть; страдание от невозможности изменить ход времен, окружающий мир; страдание от предопределенности собственной судьбы (Элис знает свой путь, он уже умер); от распада собственной личности (части тела Элиса будто существуют отдельно от него); от богооставленности (в предложении: «Eine schwarze Höhle ist unser Schweigen» слово «Höhle» созвучно со словом «Hölle» – «ад»). То есть основная тема в немецком стихотворении звучит более масштабно, нежели в русском.

Литература

Пестова Н. Австрийский литературный экспрессионизм. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – 273 с.

Савчук В. Символы в культуре. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – 143 с.

Терехина В. Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика. – М.: Издательство ИМЛИ, 2005. – 540 с.

Траклъ Г. Стихотворения, проза, письма. – С.-Пб.: Симпозиум, 2000. – 640с.

Тресиддер Д. Словарь значений символов [Электронный ресурс] / Режим электронного доступа: slovo.yaхu.ru/67.html.

Leonhardt N. Farbenmetaphorik in der Lyrik des Expressionismus: eine Untersuchung an Benn, Trakl und Heym / N. Leonhardt, – Augsburg: Ubooks, 2004. – 124 S.

УДК 312.112.2-3
ББК ш33(4)5-44

Т. М. Дубах

Историко-культурная обстановка в Австро-Венгрии начала XX века в зеркале художественных произведений современников империи

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию отражения историко-культурной обстановки в Австро-Венгрии начала XX века в произведениях авторов, чье духовное и творческое развитие состоялось в последние годы существования монархии, а зрелые периоды творчества совпали с распадом империи (Йозеф Рот, 1894-1939 и Роберт Музиль, 1880-1842).

Ключевые слова: историко-культурная обстановка, кризис, ностальгия.

В 1936 г. Франц Верфель передает американскому изданию «Aus der Dämmerung einer Welt» пролог под названием «Ein Versuch über das Kaisertum Österreich» («Набросок об австрийской империи»). После почти двадцати лет со дня смерти императора Австрийско-Венгерской монархии Верфель оглядывается на прошлое, в ретроспективном изображении которого прежняя враждебность к габсбургской империи оборачивается сожалением о потере высшего порядка и обесценивании достоинства индивида. Верфель, рьяный противник национального фанатизма, имевший обыкновение дезавуировать империю, пишет следующее: «Австрия была замечательной родиной, всеобщей